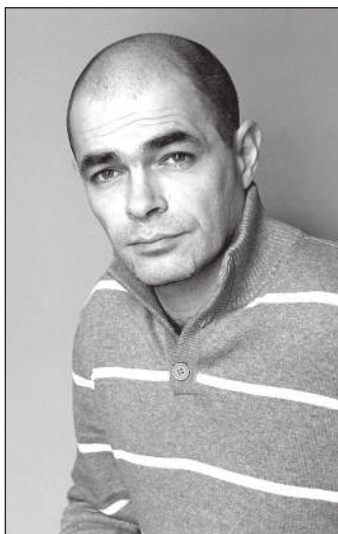

**Станислав
ЛИВИНСКИЙ**

БАБУШКИН СТОЛ

СНЕЖИНКА

I

Как будто это было не со мной
(и было ль вообще на самом деле),
но армия мне снится до сих пор.
Забор кирпичный, царские казармы,
под крышей надпись: «Тыща девятьсот
шестой». А на дворе двадцатый век
последние донашивал шинели.
Огромный плац и сотни человек.
И первый снег идёт, как новобранец,
не в ногу, но ему никто не крикнет:
«А ну-ка там, салага, шире шаг!»

Мы на плацу стоим и замерзаем –
солдатики игрушечные, дети.
Передо мной дрожит какой-то мальчик:
смешной затылок, девичья фигура.
Я вижу эти маленькие плечи.
Я помню, как ему одна снежинка
упала прямо в дуло автомата.
Зачем-то я запомнил этот день.

II

Я помню, старшина по воскресеньям
водил нас в баню, как на водопой.
Вот зрелище. Я про него сказал бы,
что это тот ещё соцреализм.

И мне казалось, в общей наготе
беспомощность была и обречённость.
Наверное, в чистилище теперь
такой же пар, такие же отсеки,
такой же невозможный синий кафель.

Я помню, доставали из петли
мы в этой бане год спустя мальчишку,
солдатика с той самою снежинкой.
Как он лежал на каменном полу
и принимал мужские очертанья,
и кто-то слишком мрачно пошутил,
что парень неудачно дембельнулся.

Его я помню очень хорошо,
хотя его лица совсем не помню.
Смешной затылок, девичья фигура.
Игрушечный солдатик, бедный мальчик,
а за спиною чёрный автомат
и маленькая белая снежинка.

* * *

Вот фотография – ребята,
по восемнадцать шумных лет.
У них не оказалось блата.
Повестка из военкомата,
военный новенький билет.

57

*В стране без права перемотки,
в зелёной выцветшей пилотке,
почти при батюшке-царе
я словно муха в янтаре:
найди меня на этой фотке.*

*Салага с талией осиной.
В казарме – холод. Дедовщина.
Из дома писем долго нет.
Ещё игрушечный мужчина,
я в настоящее одет.*

*И песня главная о старом,
как смерть, дыхла перегаром.
И ты сползаешь вниз по стенке
и пишешь маме на коленке:
«Люблю. Целую. Не скучай.»
И краснодарский куришь чай.*

*Отбой. Дежурный свет луны.
Но в армии не снятся сны.*

*А где-то – дембельская осень.
Всё по накатанной пойдёт:
заматереешь через год,
умрёт отец, девчонка бросит.*

*Да что ты знаешь о судьбе?
Сидишь играешь на губе,
что время до смерти залечит,
что через десять лет с предплечья
сведёшь наколку «ДМБ».*

*Не замирает больше дух.
И гармониста лишь по пьянке
в пивной попросишь: «Сделай, друг,
для нас «Прощание славянки».*

ПЕРЕЕЗД

*Казалось бы, только обжился, привык,
нагрел, полюбил это место,
а нужно съезжать, нанимать забулдыг,
вытаскивать стулья и кресла.*

*Компьютер, ковёр, шкаф-купе и диван.
Коробку с электрокаминоном.
Бумаги серести, затолкать в чемодан.
Снять полки со стен и картины.*

*И пепел сбивать на затоптанный пол,
в сердцах объясняя рабочим,
что самое главное – бабушкин стол,
что – ножка замотана скотчем.*

* * *

*«Что ты хочешь? Ружьё? Самосвал?»
Принесли, когда я ещё спал,
мне от Деда Мороза двустволку,
положили тихонько под ёлку.*

*Этот праздничный запах ванили.
За спиной «С новым счастьем!» кричали.
Молодыми родители были –
внука бабушке оставляли.*

*Там, где память пропахла костром
и сухая за окнами вишня,
овдовевшая в сорок втором,
замуж так и не вышла.*

*Ни друзей у неё, ни подруг.
Всё ходил к ней один политрук.
Говорил: «Детям нужен отец».
Предлагал хоть сейчас под венец,
а потом вешал китель на гвоздь.
Но у них что-то там не срослось.*

*На единственном фото она
перед самой войной вместе с дедом.
Он писал ей: «Ну, здравствуй, жена!»
А потом не вернулся с победой.
В форме и лейтенантских петлицах
он всю жизнь будет бабушке сниться.*

*Над кроватью тот самый портрет.
Чашка выскользнет на пол из рук.
Только дочка и маленький внук
подрастает – ну копия дед.*

*Только так и живёт, крепостной,
прикрывает красу сединой,
поясницу вот кутает пледом.
И часами без света сидит,
и с собою сама говорит,
и зовёт внука именем деда.*

* * *

Хутор. Брошенная хата.
Дверь, подпертая лопатой.
Сверху ржавая подкова.
На стене плохое слово.

Опустевшая изба,
словно брошенная баба.
Ей какого мужика бы,
но, как видно, не судьба.

Рядом спуск, ступеньки сгнили.
Колокольня у реки.
Говорят, что здесь убили
барина большевики.

А теперь тут мотыльки.
Ива дремлет, как сиделка.
Мальчик, севший на мостки,
с удочкою-самоделкой.
Рыбка плещется в садке.
Стрекоза на поплавке.

* * *

Нас из одной лепили глины,
но обжигали в разных горнах.
Судьба темна, как погреб винный,
сырой, просторный.

И мы с тобой: нам по семнадцать,
а может быть, давно за тридцать.
И память – ветреная цаца –
та, что на лица.

И мы с тобой. Приходит осень.
И облетают листья с клёнов.
И седина виски заносит.
Гадай на зёрнах.

Гадай на зёрнышках созвездий.
Мети палас. Вари мне каши.
Я так люблю, когда мы вместе,
во всём домашнем.

Я так люблю, когда в халате
рукою машешь мне в окошко;
когда ты надеваешь платье,
и трётся кошка;

когда в хоккей играют лихо
по телику и, оторвавши
взгляд от шитья, ты спросишь тихо:
«А где здесь наши?».

